

Глава 1

Вечерней порой, войдя в холостяцки аскетичную квартиру Станислава Крячко — оперуполномоченного главка угрозыска МВД, да еще и полковника в придачу, его старый друг и коллега — тоже полковник, старший оперуполномоченный той же «конторы» Лев Гуров, — критически обвел взглядом приятеля и, поздоровавшись, поинтересовался:

— Ну, и долго ты собираешься сачковать?

Хозяин квартиры, одетый в светлую хлопковую рубашку с коротким рукавом и синие «треники» с белыми лампасами, меланхолично ответив на приветствие, указал гостю на кресло.

— Да вот, завтра и выйду, — пообещал он. — Больничный закрывают, так что формально я уже здоров. Сегодня ездил к хирургу. Он сказал, что осложнений не будет. Кстати, а что там эти поганцы? Их там, часом, не выпустили?

— Кто ж их выпустит, если Петро взял этот случай под личный контроль и сделает люля-

кебаб из всякого, кто только попытается вякнуть насчет залога? — снисходительно улыбнулся Гуров. — Сидят как миленькие! А наш майор Артюхин — ты не гляди, что он с виду снулый, — уже накопал по этим бездельникам и неуплату налогов, и мошенничество в особо крупных размерах. Так что, в любом случае, медом им жизнь не покажется.

...Чуть больше недели назад Станиславу пришлось жестко подуэлировать на кулаках с тремя чрезмерно озабоченными «чичероне», которые излишне настойчиво пытались затащить в свой «сарай на колесах» стройную длинноволосую очаровашку. Случилось это вблизи пересечения улиц Солнечной и Пармской, часу в двенадцатом ночи, когда Крячко возвращался домой на своем ретро-«Мерседесе». Вопиющее безобразие, открыто и нагло творящееся в свете уличных фонарей, он увидел на корпоративной автопарковке большого универсама. Будучи занятым донжуаном и женолюбом, которому отвратно проявление какого бы то ни было насилия по отношению к женщине, Стас немедленно ударил по тормозам и спешно десантировался из кабины.

Двое крепких мужиков средних лет, один из которых габаритами и физиономией напоминал исполнителя роли Терминатора, а другой — южанина, очень похожего на кинош-

ного Мимино, тащили за руки к раскрытой настежь дверце крупногабаритной «Тойоты» отчаянно упирающуюся девушку. На вид ей было лет двадцать. Смотрелась она вовсе не силачкой. И тем не менее хотя мужики, громко пыхтя и сопровождая свои потуги непечатным слогом, старались изо всех сил, процесс ее загрузки протекал гораздо медленнее, нежели они, видимо, рассчитывали. Даже третий, тоже южанин, с большущим «шнобелем», толкая пленницу в спину обеими руками, не слишком способствовал ускорению данной операции.

Стаса, поспешившего к месту ночного происшествия, несколько удивило то обстоятельство, что девушка отчего-то никого не звала на помощь и лишь сопротивлялась, пытаясь вырваться. Впрочем, это можно было объяснить тем, что поздние прохожие, старательно отворачиваясь от этой безобразной сцены, чуть ли не бегом проходили мимо. Действительно, какой в таком случае смысл орать «Помогите!», если все равно никто не придет на помощь?!

Но он пришел, этот «донкихот» из главка МВД, преисполненный сочувствия к несчастной и жажды восстановить справедливость. Однако на его суровое уведомление: «Главк МВД! А ну, прекратили всякой херней тут заниматься!» — в ответ раздалось малокультур-

ное, совершенно неэстетичное гыгыканье, и наглогато-хамский голос уведомил:

— Главк КГБэ-э-э! Понял, да? Толай мимо, придурок, пока тебя самого не поставили в «пятую позицию».

Это уже выходило за рамки каких бы то ни было норм и приличий, даже с учетом явного перебора нахалами по части спиртного. Тут и не будучи сыщиком можно было догадаться, что эти трое, хлебнув коньячку сверх всяких «терапевтических доз», возомнили себя несравненными силачами, неустрашимыми героями и наикрутейшими бруталами, которым и горы по пояс, и море по колено. А их коллективное «гы-гы» давало понять «всякому лоху, слабаку и лузеру», сколь ничтожно и бледно он смотрится, сколь нелепы и безнадёжны его «души высокие порывы».

Понятное дело, Крячко сразу же уловил эту ноту хамоватого высокомерия и внутренне закипел не на шутку. В принципе, он и в самой малой степени не испытывал к ним чего-то наподобие ревности или зависти. Ни в коем разе! Да и ненависти, в общем-то, тоже — за свою жизнь всякой перепившей «шизы» он повидал достаточно много и поэтому к подобным остолопам относился скорее со скучающим раздражением. Например, как к назойливым мухам.

Да и с чего ему было, собственно говоря, ревновать и чему завидовать? На эту девушку

он не претендовал, и, будь там все по доброму согласию, он бы и ухом не повел, проехал бы мимо, даже не оглянувшись. Ну да, дива она завидная — и милая, и привлекательная. Так что с того? У него в жизни было (и, между прочим, все еще есть!) столько романов со всякими там милыми и привлекательными, что хоть составляй их антологию. Просто Станислав на дух не переносил воинствующего паскудства, торжествующего хамства и вопиющего беспредела. Это его выводило из равновесия, и в такие моменты он испытывал то же самое, что и испанский бугай на корриде, которого раздолбай-пикадоры начали злить, дабы он вышел из себя и погнался за мулетой.

К тому же это самое «гы-гы» более чем убедительно показывало, что с трио «крутяков» добром договориться никак не получится. Ну и ладно! Уж разбираться так разбираться! Крячко привычным жестом сунул руку за пазуху и тут же едва не заскрежетал зубами, не обнаружив там своего безотказного многозарядного «Стрижа».

«Твою дивизию! Твою зачуханную роту!!!» — мысленно помянул он одну из министерских шишек, которая, как видно, будучи одержима службистским зудом «оптимизаторства», неделю назад издала распоряжение, согласно которому сотрудники главка в

нерабочее время не должны были иметь при себе табельного оружия. Вроде того, «во всех цивилизованных странах офицеры полиции, сдавая дежурство, сдают на хранение и свой пистолет». Интересно, где он такое вычитал, этот министерский баран?!

Заметив характерный жест незваного «дон-кихота», внезапно напряглись и бузотеры. Несмотря на хмельные пары в мозгах, до домогателей, как видно, вдруг дошло, что этот «конь педальный» отступать не намерен, даже с учетом превосходящих сил противника. Немедленно отпустив свою пленницу, они двинулись на дерзкого чужака, который посмел на них наехать, бесцеремонно поломав намечавшийся кайф. Оказавшись на свободе, девушка тут же отбежала в сторону и, торопливо достав из сумочки телефон, быстро набрала какой-то номер.

— Полиция? Помогите! Угол Солнечной и Пармской... — заговорила она срывающимся голосом.

Но ринувшийся в ее сторону «Мимино» договорить ей не дал. Он вырвал телефон и зло грохнул его об асфальт, после чего с размаху ударил девушку по лицу. Вскрикнув, та упала, распластавшись на тротуаре. Это стало общеизвестной последней каплей в чаше терпения. Уже без каких-либо дипломатических нот и реверансов, выдав свирепое: «Получи,

козел, припарку!» — Станислав атаковал оказавшегося к нему самым ближним носастого брюнета. Тот, попытавшись явить некие намеки на свою крутизну, не совсем удачно изобразил длинными жилистыми руками подобие защитного блока, однако уже через секунду, после полученного в грудь резкого удара твердокаменной подошвы туфли, кувыркнулся назад, нелепо взбрыкнув в воздухе ногами.

«Терминатор», тут же подскочив к Крячко, очень четко и грамотно произвел весьма агрессивный выпад. Еле увернувшись от его хука левой и кросса правой, Стас поспешил отступить назад. Он сразу же понял, что этот соперник чрезвычайно опасен и с ним надо держать ухо востро. Тем более что метнувшийся в их сторону «Мимино» успел выхватить из салона «Тойоты» традиционный атрибут дорожных отморозков — увесистую бейсбольную биту.

Теперь положение Станислава могло серьезно осложниться. Драться сразу с двумя негодяями, один из которых отменно владел чем-то наподобие кикбоксинга и джиу-джитсу, а другой вооружен битой, было сродни полному сумасшествию. Но и не кидаться же от них наутек? Вновь резко отпрянув назад, Крячко ринулся вправо, как бы удирая за «Тойоту». Торжествуяще гоготнув: «Зас-

сал, падло?!» — «терминатор» бросился за ним вдогонку.

Однако его торжество было недолгим. Он так и не понял, что его соперник не убегает, а выполняет ложный маневр, за что тут же и поплатился. Внезапно развернувшийся к нему лицом Станислав провел два мощных удара кулаками в скулу и челюсть — бупс! Бупс! Кажется, опер вlepил их не в голову противника, а в боксерскую грушу, набитую опилками. «Терминатор», замерев, обалдело покачнулся, по-бараньи выпучив глаза, тем не менее, кое-как собравшись, попытался контратаковать. Но эти поползновения были пресечены еще более жесткими ударами в голову и в правый подвздох. Напоследок издав громкое «Ик!», «терминатор», словно надломившись, неуклюже осел на асфальт и медленно повалился на бок.

Не мешкая, Крячко тут же развернулся, поскольку со спины ожидалась атака «Мимино». Он опоздал всего на долю секунды. Мелькнувшая в воздухе бита прошла точно по его левой коленке. Благо что вскользь. Если бы Стас в последний миг, по сути инстинктивно, не успел отпрянуть назад, его коленная чашечка запросто могла бы оказаться раздробленной, а сам он стал бы инвалидом. Впрочем, и этот удар по касательной оказался необычайно болезненным. Ногу, да и все тело,

пронзила сильная боль, которая на какой-то миг его словно парализовала.

А расходившийся «Мимино», как видно, окрыленный своим успехом, с самодовольным «Йо!!!» снова замахнулся своей дубиной. Игнорируя боль, Крячко в последний момент выхватил из кармана своей ветровки все, что там лежало — ключи от квартиры, россыпь монет, носовой платок, — и с силой швырнул всю эту мелочовку противнику прямо в лицо. Тот, не ожидая подобного выпада, на мгновение невольно зажмурился, и это стало финалом его временного успеха — уже изготовленный им удар получился довольно-таки смазанным и даже корявым, что дало возможность Стасу отпрянуть в сторону. Ну, а третьего удара «Мимино» нанести уже попросту не смог.

Стремительно шагнув вперед, Крячко перехватил вскинутую вверх битую у самого ее основания, при этом своими крепкими пальцами прижал к рукояти дубины сжимающие ее кисти рук противника. Это разом сковало действия нападавшего. Превозмогая боль в ноге и не давая «Мимино» опомниться, Стас резким рывком повел захваченное оружие по кругу влево и вниз, скручивая этим движением руки противника в штопор.

Тот, как видно, никак не предполагал столкнуться с жесткой, напористой силой, про-

тивостоять которой оказался не в состоянии. Он попытался вырваться, судорожно дернувшись назад, однако рывок получился жалким и хлипким.

Самое жуткое в сложившейся ситуации для нападавшего заключалось в том, что, опрометчиво нанеся удар оперу по коленке, он фактически переступил грань, находясь за которой уже нельзя было отыграть к «нулевому варианту», то есть предложить: «Мужик, давай не будем обострять! Давай поговорим!..» Теперь об этом можно было даже не заикаться! Если этот агрессивный «донкихот» не убьет или не искалечит (господи, кто бы мог подумать, что в его руках такая бешеная силища?!), то и за это спасибо...

А Стас, которому ярость придала взрывной энергии и силы, продолжая скручивать стиснутые на рукояти биты кисти рук противника, вынудил того взвыть от боли и выронить это ударно-дробящее оружие и тут же, не теряя ни секунды, коротко замахнувшись, правым кулаком нанес в челюсть «Мимино» безжалостный, нокаутирующий удар. Безвольно обвиснув, тот покорно плюхнулся навзничь.

Устало переводя дух, Крячко оглянулся в сторону девушки, которая уже поднялась на ноги и, подобрав свой телефон, с удрученным видом рассматривала его растрескавшийся монитор.

— Все в порядке? — морщась от боли, шагнул он в ее сторону.

— Да у меня-то терпимо, — скривила она губы в вымученной улыбке, так как «Мимино» разбил их своей остервенелой оплеухой. — Вот у вас, я вижу, серьезный ушиб коленной чашечки. Дайте-ка посмотрю, все же у меня среднее медицинское образование...

— Ничего, переживем! — доставая свой телефон, отмахнулся Станислав.

Набрав номер дежурного главка, он распорядился направить на угол улиц Солнечная и Пармская опергруппу из ближайшего к этому месту райотдела. Когда минут через пять прибыла патрульная машина с операми, девушка, назвавшаяся Мариной, сумев сломить отказы своего спасителя, накладывала ему на коленку компресс из подручных средств, найденных в автомобильной аптечке.

Увидев поверженное трио и выяснив, кто их сокрушитель, опера по достоинству оценили итоги схватки. Они уважительно пояснили Крячко, с кем свела его судьба. По их словам, «терминатора» звали Борис Ожирятников, он был известным в этих краях бизнесменом — владельцем крупной торговой базы строительных материалов. Впрочем, по некоторым данным, лет двадцать назад этот тип был главарем рэкетирской группировки по кличке Боря-Брыкун. Его приятелей опера не знали,